

Татьяна Антонова

**Настя
Беда**

Татьяна Антонова

Настя-беда

<https://litres.ru/74484324>

SelfPub; 2026

Аннотация

Таких, как я, в народе называют «кровь с молоком». Крупная, пышнотелая, щеки, как булки, нос картошкой – ужас! А еще рыжая и конопушки по всему телу! Мне всегда хотелось, чтобы я казалась как можно меньше, поэтому я сутулилась, втягивала голову в плечи, старалась не смотреть по сторонам. Думала, если я не обращаю внимания на окружающих, то и они меня не заметят. Может быть, поэтому я все время влипала в неприятности и была ужасно неуклюжей. Мама называла меня: «Настя – 33 несчастья», а папа говорил, что я просто мечтательница.

Однажды, зайдя вместе с подругой в ночной клуб, я случайно облила кофе одного амбала, да еще и на ногу ему наступила. Он так орал! «Убью», - говорил. Думала, и правда убьет! С этой встречи все и началось! Знала бы я, чем обернется для меня эта нечаянная встреча.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Настя-беда

Глава

Глава 1.

Настя Позднякова

— Дина, ну куда ты меня тащишь? – пыталась я остановить подругу на пороге модного ночного клуба, но ту разве остановишь, прет как танк.

— Настюшка, я к папе на минуточку загляну, подождешь, ладно, — тараторила Динка.

Она приветственно кивнула головой охраннику на входе и протасила меня внутрь. Днем ночной клуб был закрыт, но хозяин был на месте.

— Может, я на улице подожду? – неуверенно предложила я.

— Да, брось, кофейку выпьешь, я быстро, — отмела все мои сомнения Динка и втащила меня за собой.

— Привет, Костик! – махнула она бармену, который тщательно протирал фужеры полотенцем. – Папа у себя? — получив подтверждающий кивок, вновь обратилась к бармену, — угости мою подругу кофе, — скомандовала она и исчезла в недрах служебного коридора.

Вздыхнув, я примостилась на барный стул, поздоровалась с барменом «Здравствуйте, Костя!». Поймав на себе вопро-

сительный взгляд Костика, заказала капучино с сахаром. Костик, улыбочивый крепкий парень, работал в клубе уже года три, прекрасно знал нас с Диной и давно уже ничему не удивлялся. Он развернулся к аппарату, зарядил кофе, потом поколдовал что-то с пенкой, нарисовав на ней сердечко, и подвинул чашку ко мне.

— Привет, бедовая, — улыбнулся он мне, наконец. — Чего грустишь?

Костя никогда не называл меня «Беда», а всегда «бедовая» — это было для меня как-то приятнее. Ведь «бедовая» означает отчаянная, бесстрашная, удачливая, а это совсем не то что «беда». Хотя иногда казалось, что Костик мне просто сочувствовал. Я снова тяжело вздохнула.

— Что, подружка опять что-то задумала? — поинтересовался он, продолжая натирать стаканы.

— Похоже. Ты же знаешь, она пока от папы разрешение не получит, все равно никому не расскажет.

— Это, между прочим, правильно. Так безопаснее, — одобрительно отметил бармен.

— Это-то да, конечно, только зачем она во все свои авантюры меня тащит. Ее папа подстрахует, если что, а я? — сокрушалась в ответ.

— Да, ладно, — успокоил бармен, — Эдуард Михайлович ценит вашу дружбу. Он всех порвет не только за Динку, но и за тебя.

— Ага, наверное, только проверять не хочется, — опять

вздохнула я.

Увлечшись диалогом с барменом, я не заметила, что к стойке еще кто-то подошел. Приятный баритон сзади, произнесший: «Костик! Сделай мне кофе!», прозвучал так неожиданно, что я резко развернулась на барном стуле, выплеснув содержимое кофейной чашки прямо на белоснежную рубашку мужчины.

— Putain merde!* Что за..., — выругался мужчина, — ты куда смотришь, дура, — он пытался отлепить от тела мокрую рубашку, а я тихонько сползала с барного стула... прямо ему на ногу.

Когда приземлилась туда всем своим весом, мужчина взвыл:

— Корова! Убью! Что ж ты такая неуклюжая! — с досадой орал он, перемежая русские и французские ругательства.

Костик суетился вокруг мужика, лепеча что-то успокаивающее, но я уже не слушала, ломанулась к выходу, где меня и нагнала Дина. Она схватила меня за руку, увлекая к дверям.

— Что ты опять натворила? — поинтересовалась Дина, когда мы выскочили на свежий воздух. Я все еще продолжала быстро идти, стараясь отойти как можно дальше от клуба.

— Да стой ты! — взмолилась Дина, — у меня уже в боку колет! Что там случилось?

— Мужика какого-то кофе облила, нечаянно. Он так неслышно подкрался, вот я и... А потом еще на ногу ему наступила. Он так орал! «Убью», — говорит.

— Да ладно ты, — звонко рассмеялась подружка, — за испорченную рубашку и оттопанную ногу еще никто никого не убивал. Это он это так в сердцах. Подумаешь! Переживет! — успокоила меня Дина. — Ты его хоть разглядела? Что за мужик-то? — поинтересовалась Дина.

— Не знаю, там темно было, да я и не рассматривала. Амбал какой-то здоровый! — потупилась я.

— Хм, — задумалась Дина, — не знаю, Бог с ним! Забей! — отмахнулась подруга. — Лучше послушай, что я придумала, — она выдержала многозначительную паузу и торжественно объявила, — мы с тобой будем принимать участие в конкурсе на лучший дизайн проект реконструкции парка усадьбы Строгановых.

Я чуть не взвыла:

— Дина, ну какой дизайн проект, нам с тобой еще учиться два года?!

— Вот и надо начинать нарабатывать клиентскую базу! — строго сказала подруга, — когда как не сейчас. Самое время! Я разработаю и опишу саму концепцию, а ты подберешь подходящие растения.

— Дина, сессия на носу, мне маме в саду помочь надо, — пыталась я увещевать подругу.

— Фигня! — фыркнула та, — ты с этим огородом на раз разберешься, как всегда, а сессию мы с тобой и так уже почти сдали. Половина автоматов, а вторую за эту неделю быстро закроем, — легкомысленно отмахнулась она и добавила се-

рьезно, подняв вверх указательный палец, — папа одобрил!

Я только застонала в ответ, зажмурившись.

«Вот так всегда! Она что-нибудь придумает, загорится, потом остынет, а мне расхлебывай!» — пронеслось ураганом в голове. Но вслух я ничего не сказала, только опять вздохнула тяжело и обреченно. Но Дина поняла это по-своему:

— Не дрейфь, подруга, справимся! Пошли, — и опять потянула меня за руку.

— Куда? – удивилась я.

— Как куда? В Строгановский парк! Нам же надо осмотреть фронт работ, — уверенно заявила Дина, и мы пошли.

* Французское выражение крайнего негодования, что-то типа: «Бл* Дерьмо!»

Глава 2.

Динкин отец когда-то был владельцем известного в городе ресторана, в котором, по слухам, собирались бандиты. В общем, был уважаемым человеком. Но для Динки он был и за папу, и за маму. Мама у нее умерла, когда та была еще совсем крошкой, она ее даже не помнила. А папа в ней души не чаял, потакал всем ее капризам. Моя мама только горестно вздыхала: «Бедная девочка!», и часто оставляла ее у нас ночевать с разрешения ее отца, конечно. Мы с Динкой были как сестры. Дружили еще с первого класса. Я всегда была крупной, как говорил уже мой папа: «Широкая кость», а Динка маленькой тощей, с такими же тощими мышинными хвостиками. Динку в школе дразнили «крысой», а меня «ко-

ровой». Но все изменилось в восьмом классе, когда Динка из серой мышки-крыски превратилась в стройную девушку с высокой грудью и тонкой талией. У нее были роскошные от природы белые кудри, тонкий нос, пухлые губы, голубые глаза – красotka. А я как была коровой, так коровой и осталась. Таких, как я, в народе называют «кровь с молоком». Крупная, пышнотелая, щеки, как булки, нос картошкой – ужас! А еще рыжая и конопушки по всему телу! Мне всегда хотелось, чтобы я казалась как можно меньше, поэтому я сутулилась, втягивала голову в плечи, старалась не смотреть по сторонам. Думала, если я не обращаю внимания на окружающих, то и они меня не заметят. Может быть, поэтому я все время влипала в неприятности и была ужасно неуклюжей. Мама называла меня: «Настя – 33 несчастья», а папа говорил, что я просто мечтательница.

Однажды в школе на перемене, когда пацаны из 7 класса подрались, мы среди любопытствующих стояли в толпе, меня кто-то толкнул, и я, не удержавшись, повалилась на огромную пальму, что росла в большом керамическом вазоне в рекреации. Завхозиха наша ее из маленького росточка выпестовала, как нежный цветочек оберегала. А тут я. Веса во мне было немало, я повалилась, уцепилась за пальму, и та не устояла. Рухнула на пол, вазон раскололся, земля рассыпалась, драка сама собой прекратилась. Я сидела в куче земли, зажмурившись и держась руками за пальму.

— Ох, беда, беда! – запричитала завхозиха, всплеснув ру-

ками. — Девочка моя, бедненькая! Это она о пальме. Так с тех пор ко мне и прицепилось это дурацкое прозвище «Беда». Меня стали называть «Настя-беда». Дина возмущалась, когда слышала: «Какая она вам беда?!», но иногда и сама меня так называла.

Школу мы давно окончили, поступили вместе с Динкой в институт. Выбрали ландшафтный дизайн. Вообще это выбрала Дина, сказала: «Это модно и перспективно», а я просто любила копать в земле, выращивать какие-нибудь растения. Может, это мне от той пальмы передалось, которую я угробила? Не знаю, но факт. Более разных людей сложно было отыскать, но мы с Динкой искренне любили друг друга и вообще были не разлей вода.

Ресторан Динкиного отца со временем превратился в модный ночной клуб, у Эдуарда Михайловича добавилось сиди-ны на висках, но свою дочь он обожал и потому позволял ей почти все. Динка быстро загоралась, быстро охладевала, может, поэтому папаша не воспринимал все ее начинания всерьез. Но она всегда сначала советовалась с папой, и уже потом, получив одобрение родителя, посвящала меня в свои идеи. Кстати, Костик был прав, уверяя, что Эдуард Михайлович и ко мне относится по-отечески. Может, еще и потому что, если Динка была заводилой, то я той движущей силой, что доводила все начинания дочери до конца. А если получалось, а получалось всегда, ведь я была старательной и трудолюбивой, то и лавры мы делили на двоих.

Имение Строгановых Воышово располагалось за городом. Вообще-то когда-то это было роскошное поместье, в котором кроме каменного просторного дома имелись церковь, несколько флигелей, конюшня и некогда цветущий сад. Последний из рода Строгановых любил Воышово как охотничьи угодья. Но после смерти последнего из знаменитой фамилии никого в роду не осталось, имение ветшало, его растаскивали по кирпичикам, а потом в нем произошел еще и пожар. Сейчас, чтобы восстановить былую роскошь, необходимы были миллионы. Только кому это теперь было нужно? Наследников славного рода на горизонте не объявлялось, поместье постепенно превращалось в руины. Правда, городские власти не теряли надежды и часто использовали Воышово в качестве полигона для отработки навыков, проектов, идей в различных направлениях, то и дело объявляя какие-нибудь конкурсы среди архитекторов, дизайнеров. За чем им это было нужно, неясно. Может, искали для себя перспективных и талантливых, чтобы задействовать их в своих проектах, а может, и среди них затесались мечтатели, надеявшиеся рано или поздно возродить некогда былую роскошь старинной усадьбы. Вот теперь очередь дошла и до ландшафта.

Динка оставила машину на старой дороге возле каменных полуразрушенных столбов, венчавших въезд на территорию усадьбы. Когда-то к ним, наверное, примыкали чугунные во-

рота. Сейчас от них ничегошеньки не осталось, а каменные исполины так и стояли на своих местах, как поверженные воины, напоминая о былом величии усадьбы. Мы вышли из машины и двинулись по широкой тропинке, ведущей к развалинам дома. Вековые деревья расступались, под ногами стелились сочные лопухи, из-под земли вылезали чертополох и дикий шиповник. Перед самым домом когда-то широкая дорога огибала остатки круглой клумбы, диаметром метра три. Когда-то в помещичьих усадьбах так было принято: кареты заезжали в ворота, двигались по дороге, останавливались перед входом в дом, высаживая пассажиров, а сами проезжали дальше по кругу и отправлялись или в каретную, или обратно к воротам. Я застыла, замороженная этой своей фантазией: картинки одна за другой менялись в голове, и я уже видела не почерневшие от копоти руины, а красивый старинный дом, кареты, мужчин в длиннополых сюртуках, дам в длинных платьях с рукавами фонариками.

Динка щелкала смартфоном, вертела головой направо и налево и восхищенно орала:

— Ты посмотри, какой здесь объем! Это же мечта для ландшафтного дизайнера!

Она носилась по округе, как сайгак. Я же никак не могла избавиться от наваждения. В конце концов, с трудом придя в себя, я решила обойти дом с другой стороны, ведь именно там располагался основной массив парка. Открывшаяся перед моим взором картина навевала восторг и одновремен-

но тихую грусть. Прямо от дома заросшие высокой травой едва заметные тропинки вели к небольшому пруду, в центре которого белела круглая беседка-ротонда. К ней вела каменная дорожка, почти скрытая под водой, так, что казалось, будто ротонда вырастала в самом центре пруда как цветок лотоса. Крыша ротонды давно обвалилась, остатки колонн были исписаны граффити. Оставалось догадываться, как вандалы умудрились проникнуть на территорию беседки. Пруд огибали дорожки, а за ними каскадом открывался некогда великолепный английский парк, деревья и кусты которого были высажены так умело, что до сих пор ярусы сменяли друг друга, создавая игру цвета и фактур. «Какое буйство красок здесь царит осенью!» — подумалось мне.

Динка между тем умудрилась ступить на камни дорожки, ведущие к ротонде, рискуя рухнуть в воду. Никто не знает, насколько крепко камни держатся под водой.

— Динка! — окликнула подругу, — куда ты лезешь? Не хватало еще свалиться в воду! — забеспокоилась я.

Дина не стала продвигаться дальше, просто попрыгала на камнях, у меня от испуга перехватило дыхание, я даже зажмурилась ненадолго. Но подруга лишь звонко рассмеялась, сошла с камней на берег и опять защелкала камерой.

— Они достаточно прочно сидят, — успокоила она меня, — но тебе не советую сюда лезть, скептически поджала губы Динка, — ты точно свалишься, — пообещала она. А я и не сомневалась, что подруга права, впрочем, лезть туда я и сама

не собиралась.

— Пойдем дальше, — предложила я, — там должен быть еще один грот, где-то примерно через 100 метров, должно быть, вон там, — указала я на заросли акаций.

Мы нашли и беседку-грот, и останки еще каких-то построек, обошли пруд и вернулись к разрушенному особняку. С правой стороны обнаружился фундамент еще какого-то здания.

— Здесь, скорее всего, располагалась оранжерея, где могли выращивать экзотические растения, — поделилась я догадкой с подругой.

— Ага, — согласилась она. — А вот там явно остатки клумб, там можно высадить розовые кусты.

— Ну, да, — подтвердила я, — сколько здесь всего гектаров?

— 45. Мы, кстати, можем и не весь парк брать в разработку, а только отдельные его объекты, клумбы, например. Это в Положении оговорено.

Я вздохнула.

— Его нельзя дробить, нельзя менять, его надо восстанавливать, — попыталась я вразумить подругу. — Ты представь, каким красивым он был в период своего расцвета. Не хуже Павловского.

— Ой, Настена, какая же ты фантазерка! — усмехнулась подруга. — Ну, кто, скажи, сейчас станет заниматься английскими парками. Это же хлопотно и несовременно. Растения

должны быть многолетними, устойчивыми к морозам, легкими в уходе. А ты — английский парк! — упрекнула она меня.

— Некоторые вещи, Дина, должны оставаться неизменными! Они были созданы до нас, и не нам их менять, — не согласилась я с подругой.

Дина, видимо, решила не продолжать сейчас бесполезной дискуссии.

— Надо бы достать подробный план имения. Я папу попрошу, он поможет.

Вдруг где-то сзади хрустнула ветка, и мы с подругой тревожно переглянулись, а потом, не сговариваясь, стремительно рванули в сторону Дининой машины.

Глава 3.

Добежав до машины, прыгнули внутрь. Заведя мотор, Дина стремительно развернулась и дала по газам. Машина скакала по кочкам проселочной дороги. Я молчала, стиснув зубы, чтобы ненароком не прикусить язык. Казалось, у машины что-нибудь вот-вот отвалится. «И чего мы испугались? — мелькнуло в голове. — Может, это были такие же участники конкурса, как и мы, наши конкуренты. А может, просто бродячая собака. Хотя это мог быть кто угодно, и хулиганы в том числе, кто-то же расписал похабными надписями колонны ротонды?»

Когда, наконец, Дина успокоилась и чуть сбавила скорость, машина выехала на шоссе. Мы двигались по направ-

лению к городу.

— Вот скажи, — не удержалась Дина, — и чего мы так рванули?

— Я тоже об этом думаю, там могли быть просто наши конкуренты, ведь не мы одни решились на эту авантюру.

— Ну, почему авантюру, — не согласилась Динка, — нормальная практика. Многие студенты, чтобы заявить о себе, принимают участие в подобных конкурсах.

— Да, но не на втором же курсе? Дин, нам, и правда, равновато, — вновь попыталась я образумить подругу.

— Да, ладно ты, не психуй! Все хорошо будет! А потом, почему на втором, считай уже на третьем! — оптимистично заверила она меня, и я поняла, что отговаривать ее — пустая трата времени.

— Вообще-то, мне очень понравилось это место, — неожиданно даже для себя самой сказала я. — Мне интересно было бы с ним поработать, но только не уродовать современными формами, а именно восстановить в первоизданном виде и чуть-чуть осовременить, добавить немного эклектики.

— Вот, — довольно отозвалась Дина, — я же говорила, тебе понравится. Мы с тобой достанем план и все обсудим. Надо будет еще пару раз в Волышово съездить, замеры сделать, почвы посмотреть.

— Только ты в следующий раз у папы охрану попроси, — подсказала я.

— Вот это правильно, мало ли что? — согласилась подруга.

Она продолжала о чем-то щебетать, а я всю дорогу думала об этом заброшенном имении. Оно было построено с такой любовью, с таким вниманием, бережно и, казалось, на века, но время ничего не пощадило. Как жаль, что у графа не осталось наследников. Они бы точно восстановили былую красоту. А сколько еще таких же разоренных дворянских гнезд по всей России! Жалко!

— Эй, Позднякова, ты чего молчишь, я тебя спрашиваю? — донесся сквозь мои размышления голос подруги. С трудом вынырнув из затянувшихся раздумий, недоуменно посмотрела на Динку. — Ты что меня совсем не слушала? — возмутилась она.

— Извини, задумалась, — виновато потупилась я, — а что ты еще предлагаешь?

— Я предлагаю завтра сходить на выставку авангардистов, — пояснила Дина.

— Какая еще выставка! — возмутилась я, — у нас с тобой послезавтра экзамен. Ни завтра, ни сегодня я уже точно никуда не пойду! — решительно отказала я.

— У, зануда, — беззлобно согласилась Дина.

Она довезла меня до подъезда, буркнула, что ей надо еще заехать по делам, пообещала, что завтра приедет ко мне, чтобы вместе готовиться к экзамену. Ее красный Мини Купер фыркнул, и машина скрылась в арке, выезжая на центральную дорогу.

Мама была дома, уже пришла с ночного дежурства, отдох-

нула. Из кухни по всей квартире разносились ароматы – мама готовила обед.

— Привет, мамуля, — чмокнула я мамочку в щечку.

— Ты куда пропала? – обеспокоенно спросила мама. – Консультация уже давно закончилась, а тебя все нет. Опять Динка куда-нибудь утащила? – предположила мама.

— Ага, — подтвердила я ее догадку. – Мы в Воышово ездили.

— Куда? – удивилась мама.

— Ой, мама, она придумала участвовать в конкурсе дизайн проектов по восстановлению старого парка. Вот и потащила меня туда. Я там никогда не была, хотя и слышала про это место. Там так красиво было раньше. Мам, представляешь, там был настоящий английский парк. Сейчас, конечно, все разрушено, заброшено, но это было такое великолепие. Так жалко!

— А да, я помню эту усадьбу. Мы там с твоим папой когда-то гуляли, лет двадцать назад. Кстати, там были еще конюшни, даже манеж существовал. По-моему, он до сих пор действует. Раньше можно было покататься. Сейчас, правда, не знаю.

— Ну, до конюшен мы не дошли, — задумчиво сказала я, — мы в основном по парку ходили вокруг пруда.

— Ага, мы там и на лодочках катались когда-то, было дело, — улыбнулась мама, — значит, его хотят восстановить?

— Не уверена насчет того, чтобы восстановить, — засо-

мневалась я. — Эту усадьбу то и дело в каких-нибудь конкурсах задействуют, только до сих пор никто ни копейки не вложил. Наследников-то нет. А значит, никому и не надо. Так, разве что в качестве тренировочного полигона. Хотя жалко конечно. Место красивое.

Мама вздохнула, поддерживая мою точку зрения.

Наш разговор прервал звонок в дверь. «Интересно, кто? — мелькнуло в голове, — Динка уехала до завтра» Почему-то в душе нарастал страх. «А вдруг амбал меня нашел? Костя ведь знает, кто я. А тот мужик его по имени называл, значит, они знакомы» — мысли метались в голове, как испуганные зайчики. Я двигалась к входной двери, крадучись, на цыпочках, чтобы не было слышно. Нет, умом я понимала, что Динка права, никто не станет меня убивать за испорченную рубашку, но ничего с собой поделать не могла. Страх сковал каждую клетку моего тела. Наконец, я подкралась к двери и посмотрела в глазок.

— Уф! — вздох облегчения прозвучал от всей души, я открыла дверь. На пороге стоял Айболит. Ну, не Айболит, конечно, но Илью Неболина, что учился на ветеринарном параллельно с нами, называли именно так. Лохматый, долго-вязый, тощий, нескладный, этот парень вызывал искреннюю улыбку. А еще он был очень добрый, говорят, его мама даже в общагу хотела выгнать, потому что он все время тащил домой всякую болезную живность. То кошку со сломанной лапой принесет, то голубя с подбитым крылом, то ежика ка-

кого-то с облезлым загривком – и всех лечит и вылечивает, между прочим. У него талант. Он зверей чувствует, жалеет, как я растения.

Мы подружились еще на первом курсе. Я застучала его в нашей учебной теплице как-то вечером, он там что-то выкапывал в грядке. Оказалось, топинамбур, а еще червей дождевых в баночку складывал. Я удивилась, на рыбалку что ли собрался? Нет, оказалось для ежика. Он его выхаживал. Червями, гусеницами всякими кормил, овощами. Мама как узнала, еще морковки ему подкинула, кроме топинамбура.

Но он рылся в теплице, его чуть не застучали, могли отругать, даже оштрафовать или отрабатывать заставили бы. Хорошо, я зашла, помогла, прикрыла, почву разрыхлила после него. Соврала, что прополкой занималась. Так, мы и подружились. Он каждый раз приносил какого-нибудь больно-го зверька, я помогала ему подбирать для него рацион. Динка, правда, скептически к этому нашему новому приятелю относилась, а я видела, какие взгляды он на нее бросал. Может, потому и со мной связался, чтобы к Дине поближе быть. Явно ведь влюбился!

— Привет, Илья. Чего пришел? – поинтересовалась я.

— Микробиологию сдал, — похвастался он.

— Молодец! – подбодрила я парня. – Много еще осталось?

— Нет, еще один экзамен — «Гигиена». Ну, там фигня! – довольно ухмыльнулся Айболит.

— Понятно, — вздохнула я, немного завидуя, — а нам еще два и один зачет.

Илья вытянул голову, пытаюсь разглядеть, есть ли кто-нибудь в комнате, видимо, надеялся застать Динку. Я хитро поджала губы.

— А Дины нет, она завтра хотела приехать к экзамену готовиться, — прищурилась я.

Тут из кухни выскочила мама.

— О, Илюша, проходи, чего ты на пороге встал, сейчас кушать будем, — пригласила она.

Моя мама готова была всех накормить и приголубить.

Илья просиял от радости, скинул кроссовки и пошлепал на кухню.

— Сначала руки мыть! — строго сказала я.

Он завернул в ванную, фыркал там под краном минут пять, наконец, вышел довольный и упал на табурет за кухонным столом. Мама сразу же стала суетиться, налила ему тарелочку борща, поставила салатик, выложила на блюдечко три куса черного хлеба.

— Кушай, кушай, Илюша, ты такой худенький. Всё свою животину кормишь, а себе во всем отказываешь, — сокрушалась мама.

Я не удержалась и фыркнула. Знала бы она, как этот худенький в столовке жрет. Как не в себя три порции умнет, а ему хоть бы что. Вот что значит хороший метаболизм. И куда в него столько помещается?! Как верблюд, ей Богу!

Я досадливо вздохнула и принялась жевать овощной салат.

Глава 4.

— И что ты летом планируешь делать? – интересовалась мама, пока Айболит наяривал вторую тарелку борща.

— Я у дядьки в клинике работать буду. У него своя ветеринарная лечебница, надо же практику нарабатывать. Вот мама и договорилась с ним, он меня к себе на пару месяцев возьмет, пока у него штатные сотрудники в отпусках.

— А наши-то девчонки в конкурсе надумали участвовать, — поделилась мама.

— Мама! – с упреком вскрикнула я.

— А что мама? Не так что ли? Опять Диночка что-то придумала, вот и мою Настю за собой тянет.

— А что за конкурс? — поинтересовался Илья.

— Дизайн проект восстановления Строгановского парка, — ответила я.

— Да, ладно? – не поверил парень, — это Волышово что ли?

— Ну, да. Мы туда сегодня ездили, смотрели.

— Круто! – восхитился парень, — там еще конюшни есть, я в следующий раз туда с вами поеду. Вы — в парк, я – на конюшни. Или вместе на конюшни ходим. Там же классно!

— Ага, — согласилась я, — классно, только запущено все. Там работы не початый край!

— Так, вам же парк восстанавливать не придется, только

проект разработать, а там, глядишь, без вас разберутся. В конкурсе, наверняка, много будет участников.

— А может, мы и связываться с этим не будем, знаешь ведь, как Динка быстро остывает. Еще неделя экзаменов, может, забудет? — понадеялась я.

Илья только хмыкнул.

— Не, ей недели не хватит, чтобы остыть, она тебя по уши втянуть должна. Подожди, она только разгон взяла. Сейчас сессию сдаст и пустится во все тяжкие.

Илья остался с мамой на кухне, втирал ей что-то про птиц, про зверей всяких, — ветеринар, блин! А я пошла к себе в комнату готовиться к экзамену, но мысли то и дело возвращались к прекрасному парку.

Наконец, нахлебник ушел, а я вместо того, чтобы повторять билеты, открыла интернет в поисках информации об усадьбе Воышово.

Молодой граф Сергей Строганов привез в Воышово свою юную жену, двадцатилетнюю красавицу Евгению Васильчикову. Для нее он с любовью и заботой оформлял красивую усадьбу. Говорят, она ничем не уступала императорским дворцам. А сад, в котором помимо пруда, беседок, гротов, аллей, был еще и розарий или «Розовый сад», особенно полюбился молодой графине.

«Значит, там не оранжерея была, а розарий. Правильно Динка угадала. Я бы и сама там „розовый сад“ разбила», — носилось в голове.

Только вот счастье молодых было недолгим. Всего два года молодожены были вместе. А потом юная графиня заразилась тифом и умерла, так и не подарив своему возлюбленному наследников. А граф потом уехал из этих мест за границу и в Волышово больше не возвращался. Эти места напоминали ему о его несбывшемся счастье.

Грустная история! Я закрыла глаза, и, словно в дымке, передо мной пронеслись видения. Вот молодой мужчина с аристократическим лицом, утонченный, высокий, в светлом сюртуке, держит за руку хрупкую блондинку в белом воздушном платье. Они спускаются по тропинке, ведущей к спрятанному в зарослях каменному гроту, прячутся в его тени и целуются... Ах, как это романтично! А вот молодая графиня в своем «розовом садике» вдыхает ароматы чайных роз: белых, нежно-розовых, красных, касаясь раскрытых поутру лепестков. «Проститься нету сил, закрываю, я глаза закрываю и опять улетаю...» — зазвучала в голове мелодия тягучей песни. Не помню, кто ее пел, но красиво и точно про них.

Надо обязательно восстановить этот «розовый сад», хотя бы в память об угасшей в столь юном возрасте графине! «О, а это что? Ее портрет?» — я продолжала листать интернет. На сайте было размещено фото молодой девушки, вот совсем не утонченной хрупкой блондинки. Темноволосая, высокая, с яркими чертами лица, немножко раскосыми глазами, чувственным ртом. Да, далека она была от моих представлений.

«Ну и ладно, ну и пусть. Подумаешь, не хрупкая барышня, все равно история красивая и девушку жалко», — не сдавалась я.

Кстати, я нашла еще информацию, что в 70-е годы прошлого столетия в имении размещалась сельхоз академия. Наверное, в архивах нашего института есть об этом документы? Надо бы поискать! Можно, между прочим, курсовую по этому «розовому саду» сделать! Даже если с конкурсом ничего не получится. Я сохранила информацию по Воышову для будущей курсовой на всякий случай.

Так не хотелось вылезать из этой истории! Динка права, это будет интересная работа. Но сначала надо подготовиться к послезавтрашнему экзамену. Я вздохнула, свернула интернет, открыла учебник и достала билеты.

На следующий день Дина, как и обещала, приехала ко мне готовиться. Только вот билеты ей совсем в голову не лезли. Она только и болтала о всякой ерунде: о выставке авангардистов, о каком-то знакомом художнике, о новом платье, что она купила вчера в модном бутике. Обо всем, только не о предстоящем завтра экзамене. Наконец, я не выдержала, рыкнув на нее сердито.

— Дина, если ты не прекратишь, то завтра мы завалим! — пригрозила я.

— Ой, зануда, — опять фыркнула подруга, — ничего мы не завалим. Ты же Семеныча (это она так нашего профессора называла) знаешь. Ему главное, чтобы его любимый па-

папоротник *Phlebodium* хвалили, а на остальное начхать.

— Ага, а зачем тогда еще 49 билетов? – уточнила я, скептически поджав губы.

— А это так, чтобы не расслаблялись! – хихикнул Дина.

— Вот и не расслабляйся! – посоветовала я.

Мы глянули друг на друга и засмеялись. Перед уходом Дина упомянула о плане имения, что смог достать для нас ее отец из городских архивов. А я рассказала ей о «розовом саде» и о конюшнях, которые там должны действовать, а еще намекнула на то, что Айболит с нами напрашивался в следующий раз. Поначалу Динка скривилась при упоминании об Илье, а потом сказала, что он и будет нашим охранником в следующей поездке. Я скептически хмыкнула – из Айболита такой же охранник, как из меня балерина.

А на следующий день, когда мы успешно сдали экзамен, кстати, Динке таки попался этот папоротник *Phlebodium*, как напророчила, она потащила меня в Псков на выставку.

Глава 5.

— Дина Эдуардовна, вы все-таки пришли! — радостно кинулся к Динке какой-то бородатый мужик, не успели мы войти в выставочный зал. Он манерно поцеловал Динке ручку, подхватил ее под локоток и потащил куда-то вглубь. А я осталась одна. Ладно, хоть за билет заплатить не заставили, потому что Динка успела ухватить меня за руку. Правда, потом она где-то затерялась на просторах вернисажа, а я осталась одна бродить тут и ждать подругу.

Вот я совсем не любительница изобразительного искусства, особенно авангардизма. Это я точно поняла, когда оказалась в выставочном зале. Искривленное пространство, перекошенные лица, кубы и треугольники, у меня даже голова заболела слегка. Нет, так-то ярко, пестро, но восторга во мне все это многоцветие не вызывало. А может, у меня просто после экзамена настроения не было. Небольшой интерес вызвали инсталляции, особенно одна. На маленьком в форме яйца журнальном столике с темной лаковой столешницей на тонких ножках, (такой был у моей бабушки), расстелена газета «Правда» и на ней — бутылка водки «Пшеничная», граненый стакан до половины наполненный, банка красной икры и бутерброд с этой самой икрой сверху. Мы такие бутылки, пустые и пыльные, из дедова подвала мешками выносили после его смерти, как бабуля сказала, в 70-е «Пшеничная» была самой дорогой по 4 рубля 12 копеек. Да, инсталляция! Еще бы знать, что это все означает? Может, художник проголодался, а может, друзья в гости заходили, хотя стакан один. Что за трэш?!

Рядом со столиком как часовой стояла бабка-смотрительница, зорко наблюдая за мной. Видно, думала, что я позарюсь на их угощение. А может, у них его уже умыкали, вот и охраняет бдительно. Я сглотнула слюну, есть уже хотелось, и попятилась, тут же налетев на кого-то сзади, чуть не упав. Меня подхватили сильные мужские руки, встряхнули, как тряпичную куклу, и поставили на ноги.

— Ой, извините, пожалуйста, — залепетала я, оборачиваясь и утыкаясь куда-то в район пуговиц белоснежной рубашки на подтянутом мужском животе.

Медленно подняла голову, мужчина казался каким-то бесконечным. Наконец, мой взгляд дополз до широких плеч, упакованных в стильный пиджак, массивного подбородка с легкой модной щетиной, прикрывающей едва заметную ямочку, губ, искривленных в усмешке, колючих глаз, короткой спортивной стрижки.

Ох, кого-то мне это лицо напоминает? Флэшбеки пронеслись в голове ураганом: полутемный бар, кофе, пятно на рубашке, нога. Я узнала его по этим колючим глазам. Втянув голову в плечи, потихоньку поползла в сторону.

— Стоять! — прозвучал окрик.

Но я, как заяц, которого преследуют неугомонные охотники, резко подпрыгнула на месте и рванула вон из зала, по пути еще на кого-то налетев, сбив какой-то стул, почему-то поленницу из дров, перепрыгнула через колун, воткнутый в толстую деревянную колоду, и стрелой понеслась к выходу из вернисажа. Вылетела пулей из зала, даже не заметив охранника, что пытался меня остановить, пролетела два квартала и остановилась, спрятавшись за углом дома, переводя дыхание.

Я боялась посмотреть за угол. Казалось, что сейчас меня схватит охрана или тот здоровенный мужик, на которого я уже второй раз налетаю.

«Динка!» — подумала я. Ей же сейчас достанется из-за меня! Но набирать ее номер я не стала, а вдруг она сейчас как раз разбирается, а тут я — вот она, берите тепленькую!

Стало до слез обидно. Вот почему так всегда? Все люди как люди, а я все время почему-то влипаю в неприятности. Вздохнула тяжело и побрела в сторону автостанции, чтобы доехать до дома на автобусе. А телефон я и вовсе отключила, чтобы никто меня не нашел. И только когда за мной закрылась дверь родной квартиры, я облегченно выдохнула.

Дома был только папа, мама сегодня вечером дежурила, она у меня медсестрой в местной терапии работает. А папа, наоборот, сегодня выходной.

— Привет, дочка, — ласково спросил отец, — ты чего такая бледная, перепуганная какая-то?

— Да ничего, пап, нормально? — ответила я.

— А что у тебя с телефоном? Динка уже обзвонилась.

— А, батарейка села, — соврала я, — мы экзамен сдали, и Динка меня потащила в Псков на выставку какую-то. Мы там с ней потерялись, вот мне и пришлось возвращаться на автобусе.

— М-м-м, — промычал папа, — кушать будешь? Разогрею.

— Ага, я ужасно голодная! — обрадовалась я. Помыла руки и села за стол ужинать, поставив телефон на зарядку.

Не успела поднести ложку с супом ко рту, как телефон разразился истошным звоном. «Да, надо рингтон поменять!»

— мелькнуло в голове. Я проглотила ложку супа, взяла смартфон и смахнула кнопку.

— Беда! Ты куда пропала? – в трубке послышался сердитый голос подруги, — я уже пол Пскова оббежала, в смысле объехала.

— Да дома я, не волнуйся, — тяжело вздохнула. — А что там в музее? – осторожно поинтересовалась я.

— Не в музее, а на выставке, — строго поправила меня Дина. — Тут, кстати, полнейший разгром, — усмехнулась она, — кто-то половину инсталляций разнес! Все сотрудники в шоке! Не ты случайно? – поинтересовалась подруга.

— Я, — не стала запираяться, — нечаянно, — добавила тихо, но Дина услышала.

— Как всегда! – усмехнулась она. — Я так и поняла, когда увидела. Думаю, на вернисаже тебя еще долго помнить будут! – не удержалась она от смеха, — чего тебя опять кинуло?

— Испугалась, — повинулась я.

— Чего или кого? – поинтересовалась Динка.

— Ну, помнишь того в баре, которого я кофе облила? Вот, он там был, и я на него опять налетела, — горестно вздохнула я.

— Ну, Беда, ты даешь! – восхитилась подруга. — Второй раз за три дня – это судьба! – захохотала она. А вот мне было не до смеха. — Что ж ты, дурочка, от мужиков-то так шарахаешься?

— Ага, ты бы его видела: здоровый такой, крепкий, с легкой небритостью на лице — настоящий мачо. Он меня как куклу встряхнул, думала, двумя пальцами раздавит, — жаловалась я, а подруга все хохотала, и лишь, отсмеявшись, сказала:

— Эх, мне бы такого! Я бы его сама хорошенько встряхнула! Ладно, подруга, не трусь, разберемся. Завтра приеду, поговорим.

Отключив телефон, я вернулась на кухню, но кусок в горло не лез. Суп есть так и не стала, налила себе чаю, и ушла в свою комнату думать о судьбе своей разнесчастной. Но перед глазами то и дело возникало лицо этого самого мачо: красивое, холеное, наглое и высокомерное. А еще почему-то в ушах звенел его голос, в котором слышалось столько металла, а еще какая-то необыкновенная, чуть слышная нота — насмешка что ли, нет, больше улыбка, незлобивая, веселая. А перед тем как лечь спать, подошла к зеркалу и критически себя осмотрела: рыжие косы, конопушки, нос картошкой, щеки, как у хомяка, а еще бедра широкие, грудь, которая никуда не влезает. Нет, я, конечно, сильно похудела за эти два года в институте, но, по-моему, лучше не стало.

— Корова! — вздохнула я тяжело, и пошла спать.

Глава 6.

Серж Лурье

Я приехал в Россию три недели назад по туристической визе.

Моя прапрабабка Генриетта была второй женой графа Сергея Строганова. Они познакомились в 1900 году в Ницце, там они и обвенчались, а через год там же на свет появилась моя прабабушка – Жаннет. Граф купил на имя Генриетты виллу Кап-Эстель в Эзе и участок земли. В 1923 году графа Сергея Александровича не стало. А прабабушка моя так и осталась жить на вилле, замуж потом больше не выходила. Растила дочь, выдала ее замуж, воспитывала внука, пережила войну, так же тихо скончалась на своей вилле, и похоронили ее рядом с могилой мужа. Прабабушка Жаннет, в отличие от своей матери, не отличалась кротким нравом, обожала лошадей, скачки, где и познакомилась со своим будущим мужем — графом Лурье. История их любви была стремительной, отмеченной бурной страстью, быстрой женитьбой. В результате на свет появился мой дед – Этьен Лурье. У деда было двое сыновей, младший – стал моим отцом. Истории о русских корнях всегда ходили в нашей семье так настойчиво и загадочно, что я решил выучить русский язык. Иногда семейные предания звучали громче, иногда тише, в зависимости от обстановки на политической арене. И вот, наконец, я, потомственный аристократ с русскими корнями в родословной, решил побывать на родине своего предка. Меня тянуло туда, может, еще и потому что меня называли в честь моего славного родственника. Род Строгановых был очень богатым, но о наследстве я и не думал, своих денег хватало, но посмотреть места юности моего прапрадеда было инте-

ресно, и я рванул сюда. Увидел бывшие графские владения в Москве и Санкт-Петербурге и вот, наконец, добрался до Пскова, где в деревне Воышово было одно из любимых имений графа. Граф Сергей Строганов был известным коллекционером, любителем произведений искусства, а еще любил русскую псовую охоту, обожал лошадей, основав несколько конезаводов по стране, в том числе и в Воышово. Наверное, благодаря увлечениям графа, страсть к лошадям у нас в крови.

Спустя неделю пребывания в России, я, наконец, добрался до небольшого городка Порхов, в окрестностях которого и располагалась нужная мне усадьба. Устроившись в гостинице, единственной приличной на всю округу, вечером я отправился в ночной клуб, что располагался на соседней улице, и познакомился там с барменом Костиком. Он оказался поистине бесценным источником информации. А еще его несомненным достоинством было то, что он говорил по-французски. Оказывается, он жил месяц во Франции на стажировке, когда учился на барриста. Костик рассказал мне, как добраться до Воышово, и даже согласился быть моим проводником. Когда мы оказались на месте, я был поражен увиденным. Нет, старая усадьба, превратившаяся в руины, меня не пугала, она, наоборот, пленила своей красотой. Старинный особняк, раскинувший крылья, обнимавшие подъездную дорогу, остатки некогда роскошного парка, небольшой прудик – место было чудесным! А когда мы проехали

на бывший конезавод, познакомились с владельцем местных конюшен, находящихся в очень неплохом состоянии, я влюбился в это место. Хозяин по моей просьбе велел оседлать крапчатого жеребца – трехлетка, я проехался по дорожкам парка, доехал до поселка. Заблудиться я не боялся – кажется, в России все дороги ведут к Москве. Местные жители, заведя всадника, реагировали спокойно, видимо, привыкли к близости конюшен. Вернувшись обратно, я постарался осторожно прощупать почву насчет покупки конефермы. Хозяин не собирался ее продавать, но вложения ему были нужны, поэтому он был не против партнерства. Теперь нужно было разузнать насчет имения: можно ли его выкупить, восстановить. Зачем мне это было нужно, я и сам не мог сказать, я не собирался жить в России, но это место притягивало меня. Я связался с отцом, переслал ему фото и имения, и конефермы. Родственники пока молчали, обдумывая, как видно, мое предложение. Я времени терять не стал, обратился в городскую управу, затем в Москву. Российские чиновники тоже не торопились отвечать на мои запросы. У нас дома, во Франции, легенды ходили о русской бюрократии. Чтобы ускорить дело, необходимы были связи, коих у меня не было, вот я и застрял. Виза уже заканчивалась, а дело с места не двигалось. Я был зол, но что делать дальше не представлял. Как-то утром я зашел в клуб к Костику, чтобы выпить нормальный кофе. В отеле кофе был преотвратный. Было еще рано, клуб был закрыт, но охранники уже знали меня в лицо

и пропускали без вопросов. У барной стойки спиной к входу сидела какая-то девчонка, они с Костиком о чем-то беседовали. Видно, она не слышала, как я вошел, или не обратила внимания, потому что при первых же звуках моего голоса, резко развернулась и выплеснула содержимое своей чашки прямо мне на рубашку. Ощущения, я вам скажу, не из приятных. Хорошо хоть кофе у нее был уже не горячий. Пока я пытался отлепить мокрую испорченную рубашку от тела, она еще и плюхнулась мне на ногу своим весом. Я слышал, что русские женщины имеют пышные формы, но не думал, что настолько тяжелые. А девица улепетывала так, что только ветер в ушах свистел. А потом Костик познакомил меня со своим боссом. Оказалось, Эдуард Михайлович Веллер, по его словам, был тертый калач. Не знаю, что это означает? Калач, вроде бы, — местная национальная выпечка, может, ее тереть надо? Но Костик говорит, что у него море связей, а бизнес свой он начинал еще в 90-е и умудрился удержаться в нем и приумножить. У него, по сведениям от того же Костика, были ночные клубы и в Пскове, и в Питере, а не только в этом затерянном на просторах России провинциальном городишке.

Эдуард Михайлович извинился за доставленные неудобства, послал своих людей за новой рубашкой. Оказалось, причиной всех моих неприятностей в это утро стала близкая подруга его дочери, девочка хорошая, но очень неуклюжая, так что все время попадает в какие-нибудь нелепые истории.

А когда я переоделся, он предложил продолжить наше знакомство. Мой новый знакомый внимательно слушал рассказ о моих затруднениях, обещал разузнать по своим каналам, что можно сделать в этой ситуации, выразил надежду на дальнейшее сотрудничество. И хотя я не торопился доверять ему, он произвел впечатление делового хваткого предпринимателя. Зачем ему нужен был я, пока было неясно, но других вариантов у меня все равно не было. Вскоре я отправился в столицу, в консульство, чтобы продлить визу. А когда вернулся в Порхов, господин Веллер рассказал мне, что есть возможность посодействовать мне в возвращении семейного наследия, но для этого придется постараться. Что это означало, я пока не понял. Вообще, господин Веллер предпочитал выражаться намеками, не всегда объясняя, что конкретно он имел в виду. Я хорошо говорил по-русски, хотя и не без акцента, но некоторых идиоматических выражений я не понимал. Все-таки надо было бы пожить в России некоторое время, чтобы, так сказать, погрузиться в языковую атмосферу. Веллер показался мне хитрым лисом, который явно имеет в этой истории свой интерес.

Между прочим, он еще рассказал, что местная администрация как раз проводит конкурс дизайн проектов по реконструкции парка Воышово. В этом конкурсе будет принимать участие и его дочь – будущий ландшафтный дизайнер, а пока студентка второго курса Сельхоз академии. Господин Веллер мечтал познакомить меня со своей дочерью и

выразил надежду, что совместная работа над проектом, связанным с моим наследием, поможет нам сблизиться.

Ну, вот теперь стало кое-что проясняться: господин Веллер мечтает выдать свою дочку за французского графа. Ради этого он поможет мне и наследство вернуть, и свою долю от этого оттяпать. Отправить дочь во Францию, а самому наложить лапу на российские активы семьи Лурье. Что же, вполне себе объяснимое желание. Мне ничего особенно не мешало, я был свободен. Может, и правда, это моя судьба? Интересно, девушка хоть симпатичная, хотя для француза нет некрасивых женщин, бывают женщины неухоженные. А значит, все можно исправить! Хотя не думаю, что мои родственники одобрили бы мой выбор. Все-таки французский граф в пятом поколении и дочка русского, чего греха таить, бандюгана – это мезальянс! Но про женитьбу пока говорить рано, надо сначала познакомиться. Он предложил организовать нашу с Диной встречу на выставке авангардных художников в Пскове, которая открылась недавно. Мы должны были встретиться завтра на вернисаже в 15.00. Это было заманчиво, похоже на приключение, но при этом я вполне отдавал себе отчет в том, что делаю. Тогда мне так казалось.

На следующий день я отправился в Псков на встречу со своей, возможно, будущей женой.

На вернисаже все пошло не так с самого начала. По словам господина Веллера, его дочь должна была меня ожидать в зале с инсталляциями, а там бродила только одна девуш-

ка: рыженькая, полненькая, маленькая. Кого-то она мне напоминала. Я подошел к ней сзади, сделав вид, что рассматриваю на стене картину. Девушка меня не заметила, думая о чем-то своем. Внезапно она сделала шаг назад, запнулась о мою ногу и чуть не упала. Я, естественно, поддержал девушку, поставил на ноги. А когда она подняла на меня свои огромные глаза цвета гречишного меда, я чуть не утонул в них, улыбнулся ей в ответ. Но девушка повела себя странно: она втянула голову в плечи и попятилась, явно намереваясь сбежать.

— Стоять! — попытался я удержать свою будущую супругу, но она вдруг подпрыгнула на месте и рванула на выход, попутно руша все художественные инсталляции, что попадались ей на пути. Вот не повезло местным мастерам статичных объемных композиций! Я настолько опешил, что в первый миг даже не подумал о преследовании. Картина была уморительной: она петляла по залу точно заяц от преследующих его охотников, пытаясь запутать следы, за ней неслись зрители, охранники. Я не удержался и захохотал от души. А потом подумал, что надо бы нагнать эту сумасшедшую, успокоить ее и представиться. Пошел следом за ней, покинул вернисаж, но странной девицы уже и след простыл. Служители вернисажа возмущенно обсуждали происшествие, часть исчезла в недрах выставочных залов, видимо, чтобы устранить последствия взрыва, что произвел этот снаряд совсем не маленького калибра. Я возвращаться обратно уже не стал.

Позвонил своему возможному партнеру, объяснил ситуацию как мог. Он выслушал меня, обещал разобраться и на завтра пригласил к себе на дачу.

Глава 7.

Дина Веллер

Отец, конечно, предупредил меня, чтобы ровно в 15.00 я вошла в зал инсталляций, но я, как всегда, опоздала минут на пятнадцать. А войдя в зал, обнаружила полнейший разгром. Зрители возмущались, громко обсуждая, как рыжая вандалка разгромила произведения искусства, что нужно сообщить авторам, что это нельзя так оставлять. Я благо- разумно не стала упоминать о том, что пришла не одна и эта хулиганка, с которой так мечтали расправиться деятели ис- кусства, моя подруга. Я посочувствовала сложившейся ситу- ации и ушла из галереи, даже не попрощавшись с ее хозяи- ном, что так старательно окучивал меня всего час назад, во- дя по залам, а потом угощая кофе в своем кабинете.

Только вот куда пропала Настя? Нет, понятно, что она опять сбежала по ее излюбленной привычке. Но куда? Теле- фон у нее не отвечал. Я села в машину, объезжая соседние улицы, в надежде где-нибудь на нее наткнуться. Потом по- думала, что она, скорее всего, поехала домой на автобусе. Позвонила ее отцу, не появлялась ли Настюшка дома, но до- ма ее не было. Я продолжала курсировать по улицам Пскова, потом опять набрала ее отцу. Вот железный мужик! Видно, уже настолько привык к дочкиным выкрутасам, что ничему

не удивлялся. Но он опять ответил, что Настя еще не появлялась. Я уже ехала в сторону Порхова, когда мне позвонил отец. Он попросил меня завтра приехать на дачу.

— Папа, я не могу, — попыталась я отказаться от приглашения, — у меня послезавтра последний экзамен, мне готовиться надо.

Но отец не стал слушать мои отмазки и строго сказал.

— Я хочу тебя кое с кем познакомить, дочь. Это важно в первую очередь для тебя!

— Папа, ты опять меня кому-то сватаешь? — нахмурилась я.

— На этот раз, обещаю, ты останешься довольной. По-моему, это как раз в твоём вкусе, — хмыкнул отец.

Я тяжело вздохнула и согласилась ненадолго заехать.

«Вот ведь, неугомонный, — думала я об отце, — все время пытается меня пристроить, как будто я сама не справлюсь! Ох, уж эта его опека!»

Наконец, я дозвонилась до Насти. Как и ожидалось, это именно она разгромила галерею. Оказывается, она опять налетела на того мужика, что был в нашем ночном клубе. По ее словам, «здоровый такой, крепкий, с легкой небритостью на лице — настоящий мачо», я еще посмеялась: «Мне бы такого!» Каково же было мое удивление, когда на следующий день на папиной даче я увидела молодого мужчину, подходящего под Настино описание. Именно здоровый и крепкий, с легкой небритостью на лице, скрывающей небольшую ямочку

ку на квадратном подбородке, со светлыми, как будто льдыстыми глазами. Интересный такой мужчина, действительно, в моем вкусе! Когда папа познакомил нас, я была ошеломлена. Оказывается, этот парень – настоящий француз, да еще граф. Между прочим, последний потомок Строгановых, мечтающий вернуть свое наследство, имение Волышово, если, конечно, все это не какая-то афера. Но, думаю, папа бы не стал, не проверив, связываться с кем попало!

Парень мне понравился. Он вел себя сдержанно, с достоинством, хорошо говорил по-русски, хотя и не без акцента. Очень интересный мужчина!

Серж Лурье

Дочь г-на Веллера, Дина, меня приятно удивила. Она оказалась совсем не той рыжеволосой пышечкой, что улепетывала от меня в галерее. Наоборот, стройная голубоглазая блондинка с высокой грудью, длинными ногами, тонкой талией. Она умела себя подать, поддержать беседу. Но при этом чувствовалось, что эта девочка строила из себя леди, пыталась играть светскую даму и произвести на меня впечатление. В душу даже закралось сомнение, не пытаются ли меня тут развести, как последнего идиота, который не знаком с местными реалиями. Впрочем, мы договорились встретиться с ней завтра, когда она сдаст последний свой экзамен, чтобы продолжить наше знакомство. Почему бы и нет? Подыграю им, если уж так они хотят, но буду держать ухо востро.

Вечером я связался с отцом, рассказал обо всем. Отец по-

советовал мне не торопиться и обещал прислать нашего семейного юриста, у которого, с его слов, были хорошие связи в России. Насчет идеи возвращения нашего семейного наследства, отец был более сдержан, не уверен, нужен ли нам этот актив, с которым может быть связано больше расходов, чем прибыли.

У Кости сегодня был выходной, и мы договорились встретиться на конюшне в Вольшово. Как оказалось, парень часто там бывает, поскольку, как и я, любит лошадей.

Оседлав двух жеребцов, мы медленно ехали верхом по лесной тропе. Я вывел Костю на разговор о дочери хозяина.

— Дина, конечно, девушка своеобразная, — хмыкнул Костя, — но не злая и не сноб. Я ее еще школьницей помню, когда устраивался в ночной клуб к Веллеру. Отец ее очень любит, сделает все для счастья дочери, причем, он не отдаст ее за кого попало. Говорят, он любил ее мать, потому и не женился больше. Хотя, может, боялся, что Диночка мачеху не примет. А еще, несмотря ни на что, Веллер – романтик, потому и с тобой все так сложно устроил. Сначала, видно, хотел, чтобы вы случайно встретились, присмотрелись друг к другу, понравились, но вы почему-то разминулись.

Я засмеялся, вспоминая разгром в галерее, устроенный рыжей трусишкой. Рассказал Косте о том, что произошло, а тот от души хохотал. А когда отсмеялся, заметил:

— Ты знаешь, очень та девчонка напоминает Настю-беду, помнишь, облила тебя кофе, перед встречей с боссом?

Я удивленно приподнял бровь: «Я все думал, где же я ее видел?»

— Настя Позднякова – лучшая подружка нашей Дины, — пояснил Костя, — они такие разные, но дружны. Настя – хорошая девчонка, целеустремленная, упорная, в отличие от Динки. Та, как ветер в поле, увлекающаяся натура. Загорается быстро и остывает также, хотя отца беспрекословно слушает. А Настя все ее идеи в жизнь воплощает, если, конечно, не удастся сначала отговорить подругу.

— А что значит «беда»? – уточнил я.

Костя в ответ рассмеялся.

— Это прозвище такое, катастрофа, проблема, значит. По-французски, *la malchance* – невезение, несчастье. Она закомплексованная девочка, немножко неуклюжая, но, по-моему, талантливая и очень милая.

Почему-то сердце странно сжалось, когда Костя вдруг отозвался об этой рыжухе с такой теплотой, неприятно как-то стало, завидно, что ли.

— У нас в России есть такое выражение «синий чулок» — мечтательница, фантазерка, значит. По-французски, *une rêveuse*. Вот, по-моему, эта Настя – синий чулок и есть. Живет в мире своих грез, фантазий, может, поэтому и неуклюжая такая, не замечает особо ничего вокруг.

Я задумался, услышав такое определение, но решил, что русские вообще все немного со странностями.

Глава 8.

Настя Позднякова

К концу недели, сдав все экзамены и зачеты в Академии, успешно перейдя на 3 курс, мы, наконец-то, со спокойной душой ушли на каникулы. Теперь можно было заняться кон-курсом. Я, правда, еще пару раз сгоняла с мамой на дачу, помогла ей с посадками, подрезкой и подкормкой плодовых кустов. Но все мое время, все мои мысли занимал проект. Я уже давно сделала кальку с плана усадьбы. Планировала, какие деревья, кусты, цветы можно посадить в обновленном парке, но назревала острая необходимость еще раз побывать в Волышово, чтобы провести ревизию того, что там осталось, и узнать, в каком оно состоянии. К слову сказать, Дина, хоть и исчезала куда-то по вечерам, но поддерживала мою работу, вносила свои идеи, предложения. Решено было поехать в имение во вторник с утра. Айболит, который накануне вечером зашел на огонек, тоже увязался с нами.

Погода выдалась чудесная. Солнечное июньское утро обещало хороший погожий денек. Дина подъехала в восемь утра к моему подъезду. Мы с Айболитом мялись у лавочки, ожидая подругу на улице. Я надела удобную обувь, джинсы, футболку и джинсовую куртку, взяв с собой сумку, куда уложила бутерброды, чай в термосе и сменную футболку на всякий случай.

Айболит, видимо, не выспался, потому что вид имел унылый, помятый и хмурый.

— И чего за нами увязался? – ворчала Дина, выводя свой

Миник на загородное шоссе.

Я сидела спереди рядом с водителем и пыталась хоть немного заступиться за парня.

— Он хотел на конюшни попасть. Специально с работы отправился, чтобы с нами поехать. Сама же знаешь, туда автобусы не ходят, а на такси дорого. Ты, кстати, знаешь, что там конюшни действующие? Мама говорила, что они когда-то там с папой на лошадях катались.

— Знаю, — хмыкнула в ответ Дина. — Один мой знакомый тоже очень любит лошадей, он меня туда приводил, катались даже.

— О, — удивленно подняла я брови, — а что за знакомый, ты не говорила? — заинтересовалась я, но подруга, видно, не хотела вдаваться в подробности и оставила мой вопрос без ответа, лишь пожав плечами.

Дальше какое-то время ехали молча. Я чувствовала себя неловко перед Ильей, а тот обиженно пыхтел на заднем сиденье.

— Как твоя работа? — спросила я, постаравшись придать голосу максимальную приветливость и заинтересованность.

— Нормально, — фыркнул парень. А спустя пару минут, захихикал и стал рассказывать забавные истории из его не слишком пока длительной, но уже весьма насыщенной практики в ветеринарной клинике своего дядьки. Оказалось, он хороший рассказчик, и атмосфера вокруг разрядилась. Мы весело смеялись над его байками и не заметили, как добра-

лись до места.

— Так, Айболит, — строго сказала негласный руководитель нашего проекта, выйдя из машины, — мы сюда работать приехали. Если хочешь попасть на конюшню, дуй по этой дороге примерно с пару километров. Не заблудишься. Доберешься, скажешь, что от меня, а дальше сам разберешься. Смотря, чего тебе надо. А мы пока здесь. Потом сами к тебе приедем. Понял?

— Ага, — ответил парень, — может вам помочь надо? Копать там что-нибудь? Я могу.

Дина в ответ хмыкнула.

— Копать, говоришь? Ну, тогда пошли, — потянула она его за собой, вручив лопату.

И мы пошли на территорию усадьбы. Динка заставила Илью брать образцы почв в разных местах. Парень уже был весь мокрый, не прекращая орудовать лопатой. А я отправилась обследовать деревья, сохранившиеся до сей поры, оценить их состояние. В результате мы разошлись в разные стороны друг от друга. Я ушла уже достаточно далеко от этих двоих. В руках у меня были блокнот и ручка. Мне надо было пройти из одного края парка в другой, пересчитывая стволы вязов. Так, я дошла до дороги. Я представляла себе, как граф Строганов в черном редингтоне*, в таких же черных бриджах, заправленных в высокие кожаные сапоги, с хлыстиком в руках идет по этой тропе, ведя в поводу коня. Тропа достаточно широкая, тишина, я настолько увлеклась, погру-

жившись в свои мысли, что стук копыт слышала лишь в последний момент. Обернувшись, увидела копыта, занесенные над моей головой. Мне показалось, что вороной конь, черный, как сама смерть, просто огромный сейчас обрушит на меня свою смертельную мощь. В ужасе я заорала во все горло и кинулась в кусты на обочине дороги. За кустами начинался овраг, куда я и скатилась кубарем со всего маху. Погрузилась во тьму, наверное, умерла, свернув себе шею в этом треклятом овраге!

А нет! В нос ударил запах прелой травы, полыни и еще почему-то мужского дорогого парфюма. Приоткрыла глаза. Перед глазами повисла пелена, в которой двигались расплывчатые черные силуэты. Я несколько раз моргнула: зрение прояснилось, а передо мной появилось одно обеспокоенное лицо. Мужчина в защитной каске для верховой езды, черном жилете, застегнутом на все пуговицы, легонько шлепал меня по щекам.

— Граф, это вы? – прошептала я, опять прикрывая глаза. – Вы пришли! – выдохнула, решив, что все-таки я на том свете, ведь граф умер сто лет тому назад. Значит, либо умерла, либо у меня начались галлюцинации на фоне сотрясения мозга.

— Как вы себя чувствуете, мадемуазель? – спросил граф с легким акцентом.

— Для мертвой вполне не плохо, — проговорила я, не открывая глаза и блаженно улыбаясь.

— Для мертвой? – переспросил он, слегка картавя. – Вы совершенно очевидно живы, мадмуазель, — ответил он, и в его голосе послышалась насмешка.

— А-а-а, — досадливо протянула я, — значит, все-таки галлюцинация. Жаль!

— Мадмуазель, посмотрите на меня, — сказала мое видение, — сколько пальцев вы видите?

Я открыла оба глаза и сфокусировалась на его руке.

— Два, — ответила недоуменно.

— С головой у вас вроде бы все в порядке. Позвольте, я ощупаю вашу шею, на предмет перелома?

— Вы врач? – удивилась я, — а я читала, что вы военный.

— Мадмуазель, я не знаю, за кого вы меня принимаете, но попытайтесь встать, руки, ноги у вас вроде бы целы, — предложил он, кажется, начиная сердиться.

— Как за кого? Вы граф Сергей Строганов – владелец этого имения, — совершенно убежденно заверила его я.

Мужчина вздохнул и улыбнулся.

— Все-таки вы сильно ударились, скорее всего, у вас сотрясение мозга! – сокрушенно покачал головой мужчина. — Я граф, но совсем не Строганов, хотя и его потомок. И это имение мне пока не принадлежит, я только хочу его вернуть. А вы что тут делаете? – поинтересовался он.

Я, наконец, открыла глаза и уставилась на него. Вот совсем не граф! Чего меня так торкнуло, точно сотрясение. Я резко села, подтянула к себе колени и попыталась отползти

от мужчины, опираясь на ноги и двигая попу назад. При этом я, видимо, смотрела на него так испуганно, что он не удержался и рассмеялся.

— Не бойтесь меня, мадмуазель, я не обижу вас, — сказал он, отсмеявшись.

— Правда? — не поверила я.

— Я, кажется, и так доставил вам немало проблем, — вздохнул мужчина. — Вам все же надо будет показаться врачу. Давайте, я помогу вам встать, — он протянул мне свою руку.

Я покосилась на нее, осторожно ухватилась, и он слегка потянул меня вверх. Я встала, чуть пошатнувшись. Мужчина тут же подхватил меня руками за талию, не давая упасть.

— Вы как, — спросил он, — сможете идти самостоятельно?

— Да! — подтвердила я.

Хотя выбраться из крутого оврага оказалось не так уж и просто. Я карабкалась наверх изо всех сил, цепляясь за траву и ветки, граф все время подстраховывал меня сзади, и мне было ужасно неудобно светить перед ним своей толстой попой. Но по-другому из оврага не выбраться, поэтому я старалась не думать о том, как выгляжу сзади, и упорно карабкалась вверх. Наконец, мы выбрались на широкую тропу. Оседланный черный конь стоял, привязанный за поводья к дереву, пощипывая травку у своих стройных ног.

— Простите нас, мадмуазель, мы с Грандом напугали вас. Позвольте представиться, Серж Лурье, — сказал граф, отвя-

зывая повод. — А как вас зовут, милая барышня? — спросил он.

— Настя, — ответила, потупившись.

— Может, расскажете, Настя, что вы все-таки здесь делаете?

— Я, мы... — немного растерялась я, — я тут с друзьями, мы участвуем в конкурсе на лучший дизайн проект реконструкции этого парка, вот мы и приехали сюда, чтобы взять пробу почв, посмотреть, в каком состоянии старые деревья и кустарники.

— М-м-м, — одобрительно поджал губы граф, — я вижу, вы серьёзно подходите к делу. Давайте мы с Грандом проводим вас, вы все-таки основательно сегодня сверзились в этот овраг. Как вы только шею себе не свернули? Вы, наверное, очень везучая?

— Да что вы? Наоборот! Мне все время не везет. Мама, вообще называет меня «Настя — 33 несчастья».

Граф шел рядом, ведя своего коня в поводу, и улыбался. А я трещала, как заведенная. Наверное, это нервное? Все-таки впервые в жизни разговариваю с настоящим графом. Хотя и тема для беседы, предложенная им, была самая что ни на есть моя любимая. Он расспрашивал меня о парке, о том, какие здесь растут деревья, кусты. Как бы мы хотели его реконструировать. А я с удовольствием делилась нашими планами, углублялась в историю, рассказывала о своих представлениях. Мы часто останавливались, я размахивала

руками, рассказывала, показывала, а он улыбался и слушал. Наконец, мы остановились неподалеку от Динкиной машины. Граф поднял руку и вынул из моих волос сухую листову, травинки. Я покраснела, смутившись, впервые подумала, как же я выгляжу после оврага? Стала оглядывать свой внешний вид и еще больше покраснела. Все джинсы в грязи, как и куртка, а на футболке – дыра. Ох!

Граф опять протянул руку и потер мою щеку, которая в этот момент была краснее спелого помидора. Еще и на лице грязь! Ужас!

— До свидания, Настя, ваши друзья вас, наверное, потеряли? — проговорил мужчина. — По-моему, вы уже в порядке, но я все же советую вам обратиться к врачу.

— До свидания, — прошептала я, а граф вскочил в седло, развернул коня и поскакал обратно.

*Редингтон – удлиненный сюртук.

Глава 9.

Услышав ворчливые переругивания за спиной, оглянулась. На аллее, ведущей к подъездной дороге, появились Илья и Дина. Илья Айболит, весь красный и потный, тащил в руках лопату, Дина, легкая и воздушная, несла штатив, заполненный пробирками с пробами почв. Они переругивались беззлобно, видимо, Дина ругала Илью за неспособность, а он огрызался. Подойдя ко мне, подруга оглядела меня с ног до головы, в ее глазах промелькнул испуг.

— Настя, что с тобой приключилось? Ты грязнее Айболи-

та, хотя он землю копал, — заметила она с беспокойством.

— В овраг свалилась, — посетовала я, решив умолчать о причине своего падения и фееричном спасителе.

У Дины поднялась бровь.

— В овраг? Ну, ни фиги себе! Как ты вообще цела осталась? Тебя ни на минуту одну оставлять нельзя! — возмущалась подруга. — Пошли умываться, — вздохнув, позвала она.

Дина щелкнула кнопкой сигналки и открыла багажник. Скомандовала Айболиту, чтобы тот достал пятилитровую бутылку с водой. Динка оказалась предусмотрительной и основательно подготовилась к нашему походу. Я умыла лицо, разодрала и так уже рваную футболку, использовав ее в качестве полотенца, передела чистую одежду, оказавшуюся сейчас очень кстати. Вот не зря взяла, как чувствовала. Расплела косы, хоть немного вычесала из них траву и грязь, заплела заново. Илья тоже умылся, но переодевать ему было нечего, поэтому он остался в своих вещах.

— Не три джинсы! — ворчала на меня подруга, — только грязь размажешь. Дома постираешь, а пока так оставь. На, возьми, — она протянула мне свой кардиган, вместо моей испачканной джинсовки. Он был удлинненный почти до колена, без пуговиц, немного прикрывал грязные джинсы. В целом создавал более презентабельный вид. Испачканные вещи я сложила в сумку, кроме драной футболки, конечно, ее пришлось выбросить. Дина достала из багажника контейнеры с салатиками, которые заботливо упаковала в сумку-хо-

лодильник. Мы перекусили немного, догнались чаем с бутербродами.

— Ну что, поехали на конюшни? — спросила она.

Выглядели мы немного замученными, хотя прошло чуть больше часа с начала наших приключений в усадьбе. Но возвращаться домой, так и не повидав легендарное место, не хотелось. Тем более что Илья и вовсе поехал сюда ради этого. Или он только нам так сказал?

Мы с парнем повздыхали немного и согласились. Дина выглядела гораздо лучше нас, казалось, она вообще не чувствовала усталости. Ну, еще бы. Копал за нее Илья, в овраг она не летала. Вообще все, что она делала, брала небольшие образцы почв и складывала пробирки в штатив, подписывая место взятия проб. Словом, не упахалась.

Мотор радостно заурчал, и машина двинулась вперед. Спустя минут пять перед нами открылась широкая дорога, ведущая к новым высоким воротам, плавно переходящим в забор, огораживающий территорию конефермы. Здесь был целый комплекс: слева тянулись сколоченные из деревянных досок помещения конюшен, далее стоял добротный, видимо, гостевой дом, за ним — огороженная левада, где прогуливались несколько лошадей. Справа виднелись старые постройки, оформленные в стиле графского дома, но сохранились они гораздо лучше, чем развалины усадьбы. Вообще, место выглядело уютным и рабочим. Ворота были открыты, и наш Мини Купер въехал во двор. Она припарковалась у гостевого

дома, хотя может быть, там жили владельцы или смотрители этого места. Рядом с домом стояли еще несколько стильных, современных, дорогих внедорожников. Дина спокойно вышла из машины. Мы выгрузились следом за ней. Я все время куталась в Динкин кардиган, стараясь скрыть свой непрезентабельный вид. Из дома выскочил молодой мужчина, легко пробежал по ступенькам крыльца.

— Дина! – приветственно воскликнул он, — вы сегодня с друзьями?

Та небрежно кивнула мужчине, представляя нас.

— Знакомьтесь: это моя подруга и однокурсница Настя, а это – Илья, он будущий ветеринар, очень хотел взглянуть на ваших лошадок, — мужчины пожали друг другу руки, — а это Дмитрий – владелец здешних мест, — представила нам своего собеседника подруга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.